РОЛЬ ФИКЦИЙ В РЕГУЛИРОВАНИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРАВЕ

РЫБАКОВ Роман Борисович, юрист, Американская ассоциация юристов
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 24/7
E-mail: rybakovroman@gmail.com

Статья посвящена оценке значения юридических фикций при регулировании имущественных отношений в общем праве средневековой Англии (XIII—XVII вв.). Фикции рассматриваются как средство развития права, прием расширения судебной юрисдикции по имущественным делам и механизм развития средств судебной защиты имущественных прав. Особое внимание уделяется значению правовых фикций при пересмотре судебных решений в апелляционном порядке. Автором проанализирован ряд значимых судебных прецедентов, использующих правовой прием фикции для регулирования имущественных отношений. При проведении исследования использовался диалектический метод. Также широко применялись исторический метод и специальные методы исследования: технико-юридический, формально-юридический, сравнительно-правовой метод толкования правовых норм. По результатам проведенного исследования сформулирован вывод о том, что существенное влияние на широкое распространение фикций в средневековом английском праве оказала их роль на стадии апелляционного пересмотра судебных решений. На основе осуществленного анализа автором выявлен ряд различий между фикциями в континентальной и прецедентной правовых семьях. Предложена классификация функций фикций при регулировании имущественных отношений в английском средневековом праве.

Ключевые слова: юридическая фикция, английское средневековое право, общее право, имущественные правоотношения, судебный прецедент, апелляционный пересмотр, траст, заранее оцененные убытки, земля, рецепция права, судебная защита.

ROLE OF FICTIONS IN REGULATION OF PROPERTY RELATIONS IN THE MEDIEVAL ENGLISH LAW

R. B. RYBAKOV, lawyer, American Bar Association
24/7, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000
E-mail: rybakovroman@gmail.com

The article is devoted to legal fictions in regulating property relations in the English medieval common law (XIII—XVII centuries). Fictions are explained as features influencing the development of law, means of expansion of courts' jurisdiction and mechanisms of the development of remedies protecting property relations. The article focuses on the role of fiction during the appellate review stage. Relevant case law is analyzed in this article. In this research the author uses the following set of methods of scientific cognition: dialectical method, historical method as well as special scientific research methods, such as technical legal method, comparative law method, formal legal method and legal interpretation method. This research results in better understanding of the role of fictions during the appellate review stage and provides analysis of differences between legal fictions used in the medieval civil law and the common law. In conclusion, the author suggests a classification of legal fictions' functions in the medieval English common law.

Keywords: legal fiction, medieval English law, common law, property rights, *assumpsit*, precedent, appellate review, trust, liquidated damages, title to land.

DOI: 10.12737/19210

Значению юридических фикций посвящена научная дискуссия, происходящая между правоведомы разных государств и разных правовых семей (некоторые ученые называют ее «Историческими дебатами о юридической фикции»¹). Суть этого спора состоит в разногласиях в определении явления фикции, систематизации различных категорий правовых фикций, значении фикций в рамках правовых конструкций.

Изучение юридических фикций зачастую связано с оценочными критериями, относимыми к фикци-

ям как явлению позитивному или негативному. Такой подход, скорее, носит субъективный характер и не имеет существенного значения при определении функций, присущих фикциям в праве. Безусловно, фикции являются правовой реальностью и служат приемом правового регулирования.

Российский гражданский оборот часто взаимодействует с юрисдикцией Великобритании в рамках международных частных отношений. Вышеуказанной юрисдикции подчиняют различные сделки, включая корпоративные. Естественно, что в рамках частноправовых отношений (в континентальном понимании) стороны сталкиваются с различными юридическими фикциями, которыми обширно наполнено английское право. Актуальность исследования на-

¹ См.: *Harmon L. Falling off the Vine: Legal Fictions and the Doctrine of Substituted Judgment // The Yale Law Journal. 1990. No. 1. P. 3.*

стоящего вопроса также обуславливается тем, что в процессе реформирования гражданского законодательства Российской Федерации присутствуют инициативы по инкорпорированию в отечественное частное право институтов, связанных с юридическими фикциями, исконно присущими зарубежным странам, в том числе Великобритании².

При рецепции российским гражданским правом иностранных правовых институтов особо значима степень изученности процесса формирования этих институтов и их роли в законодательстве происхождения. Поскольку юридические фикции — неотъемлемая часть английского права, исторические условия их развития следует учитывать, когда к конструкциям английского права, включающим элемент вымысла, происходят отсылки в отечественной науке или практике.

Понимание природы современных юридических фикций в английском праве сопряжено с историей их возникновения. Этот вопрос был ранее исследован в трудах как зарубежных, так и отечественных правоведов. К последним следует отнести Г. Ф. Дормидонтова³, Е. А. Суханова⁴, И. В. Филимонову⁵, Р. К. Лотфуллина⁶, Е. А. Джазояна⁷, Д. В. Новака⁸. Среди зарубежных юристов, затрагивавших этот вопрос, можно выделить Г. Мэна⁹, Дж. Бентама¹⁰, Д. Клермана¹¹, Л. Фуллера¹², П. Биркса¹³.

² Например, индемнити (indemnity), эскроу (escrow), злоупотребление правом в форме обхода закона и др. Подробнее см.: *Маковский А. Л.* Об уроках реформирования Гражданского кодекса России // *Вестник гражданского права*. 2013. № 5. С. 157—172.

³ См.: *Дормидонтов Г. Ф.* Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. С. 185.

⁴ См.: *Суханов Е. А.* Сравнительное исследование владения и собственности в английском и в германском праве // *Вестник гражданского права*. 2012. № 6. С. 302—316.

⁵ См.: *Филимонова И. В.* Юридические фикции в праве стран Запада и Востока: историческое наследие: монография. М., 2012. С. 224.

⁶ См.: *Лотфуллин Р. К.* Юридические фикции в гражданском праве. М., 2006. С. 213.

⁷ См.: *Джазоян Е. А.* Категория фикций в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

⁸ См.: *Новак Д. В.* Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., 2010.

⁹ См.: *Maine H.* Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society, and its Relation to Modern Ideas. N. Y., 1906. P. 462.

¹⁰ См.: *Ogden C. K.* Bentham's Theory of Fictions. L., 1932. P. 161.

¹¹ См.: *Klerman D.* Legal Fictions as Strategic Instruments // USC Law School, Draft September 16, 2013. P. 17.

¹² См.: *Fuller L.* Legal Fictions. Stanford, 1967. P. 142.

¹³ См.: *Birks P.* Fictions Ancient and Modern // *The Legal Mind: Essays for Tony Honoré*. Oxford, 1986. P. 83—101.

Несмотря на широкий круг отечественных научных работ, рассматривающих явление фикции в контексте развития английского права, существует ряд вопросов, не охваченных в ранее опубликованных трудах. К вопросам, нуждающимся в дополнительном исследовании, относятся: функции юридических фикций в регулировании имущественных отношений, значение правовых фикций при пересмотре судебных решений в апелляционном порядке, роль значимых судебных прецедентов, использующих правовой прием фикции, которые ранее не были изучены в отечественной науке.

Фикции как прием расширения судебной юрисдикции. Чтобы представить, насколько широко применялись юридические фикции в истории английского права, достаточно отметить, что до середины XIX в. почти в каждом имущественном деле истцом заявлялись вымышленные обстоятельства, против которых суд не принимал возражения со стороны ответчика. Такая распространенность юридических фикций обусловлена особенностями развития правовой системы Великобритании.

Значение фикций в любых правовых системах, безотносительно к цели их применения, будь то способ обновления законодательства, преодоления формализма права или метод правового регулирования, всегда связано с казуистикой или нуждами правоприменительной практики. В праве Великобритании использование юридических фикций также обусловлено весьма практическими аспектами. Для их понимания необходимо рассмотреть особенность устройства основных источников права — судебных прецедентов и судов, их выносивших.

Средневековая судебная система Англии состояла из различных судов, под юрисдикцию которых попадали определенные виды споров¹⁴.

«Высшими судами “общего права” в Англии в период XIII—XIV вв. стали Суд королевской скамьи, Суд общих тяжб и Суд казначейства.

Суд казначейства (Exchequer Court), который первым стал записывать свои слушания (еще в XII в.), был в основном специализирован на рассмотрении финансовых споров, и прежде всего споров, касающихся долгов казны и короны.

Суд общих тяжб (Common Pleas) рассматривал большинство частных гражданских исков и стал основным судом общего права. В нем рассматривались дела по имущественным отношениям, включая споры по договорным отношениям.

Суд королевской скамьи (Court of King's Bench) стал высшей апелляционной и надзорной инстанцией для всех других судов, включая “общие тяжбы”, но со временем был специализирован на рассмотрении апелляций по уголовным делам. Юрисдикция

¹⁴ См.: *Уолкер Р.* Английская судебная система / пер. с англ. Т. В. Анаповой; отв. ред. Ф. М. Решетников. М., 1980. С. 28—37.

этого суда распространялась на дела, связанные с королевской властью»¹⁵.

В настоящем исследовании в первую очередь рассматривается практика судов «общего права», так как именно они были ответственны за разрешение большего количества имущественных споров.

Широкая распространенность юридических фикций связана в первую очередь с описанной системой судов Великобритании. Е. А. Суханов, исследуя историю институтов английского «вещного права», отмечает, что их развитие обусловлено почти исключительно особенностями английской политической истории, а вовсе не какими-либо прагматическими и уж тем более доктринальными соображениями¹⁶. Эту характеристику вполне допустимо соотносить с историей английских юридических фикций.

Юрисдикция различных судов была не равной, это влияло на количество дел, рассматриваемых каждым из судов. Наиболее распространенные дела, связанные с земельными и некоторыми иными имущественными отношениями, были подведомственны Суду общих тяжб. Подобное распределение судебной юрисдикции способствовало формированию конкуренции между различными судами. Существенным фактором, влиявшим на заинтересованность судов в рассмотрении большего количества дел, служило то, что часть судебных расходов, вносившихся сторонами дела, поступала непосредственно в судебный орган, рассматривающий иск. Поскольку подсудность дел была определена, судами вырабатывалась широкая практика по включению в правоотношения таких фикций, которые позволяли изменить подсудность и рассмотреть дело в суде, не предназначенном для рассмотрения данного спора, если бы в него не был включен элемент фикции. На структуру имущественных правоотношений такие фикции влияли лишь формально, несмотря на то, что в сделке, например, мог появиться дополнительный субъект, являвшийся результатом правового вымысла, или сделка, заключенная в Париже, при рассмотрении спора в суде обозначалась как сделка, заключенная в Париже, находящемся на территории Великобритании¹⁷.

Примером значительного расширения судебной юрисдикции при помощи юридической фикции может также служить практика Суда казначейства. Изначально юрисдикция Суда фокусировалась на спорах, связанных с королевскими доходами. Суд казначейства стал использовать фикцию, позволявшую

истцу практически по любому имущественному спору обратиться за его разрешением в Суд казначейства. Для этого необходимо было лишь заявить фикцию о том, что у истца имеется долг перед королем (например, налоговый) и выплатить его он сможет из тех средств, которые рассчитывает получить в результате удовлетворения его требований к ответчику¹⁸.

Суд королевской скамьи в XV в. прибегал к фикции ареста ответчика для расширения своей юрисдикции. Фиктивные юридические действия, к которым прибегал суд, назывались Миддлсекским биллем (bill of Middlesex). Суд королевской скамьи мог рассматривать имущественные споры, если стороной по ним выступало лицо, находящееся под арестом суда. Для того чтобы увеличить количество дел, рассматриваемых судом, истец и суд использовали фикцию, предполагавшую, что ответчик по делу был арестован, что позволяло включить в юрисдикцию суда королевской скамьи значительное количество имущественных споров.

Приведенные выше примеры демонстрируют, что средневековое английское право активно использовало юридические фикции для расширения судебной юрисдикции.

Влияние фикций на развитие средств судебной защиты имущественных прав. Со стороны истцов, а в определенных случаях и ответчиков также присутствовала заинтересованность в использовании фикций в конструкциях правовых отношений. Благодаря фикциям стороны могли снизить свои судебные расходы, в том числе прибегнуть к более быстрым и менее сложным процессуальным механизмам.

Пример использования фикций в целях упрощения правовых конструкций — установление титула на землю Судом королевской скамьи в конце XVI в. Поскольку иски об установлении права собственности на землю — одни из наиболее древних в общем праве, им был свойствен формализм, затягивающий рассмотрение спора об установлении собственника земли. Иски об аренде земли были более новыми и отвечали потребностям правового оборота в большей степени. Так, в рамках иска об аренде у суда имела возможность рассмотреть вопрос о том, кто из сторон является собственником земли. Например, в случае, если в деле об аренде права истца на пользование арендуемым им земельным участком нарушались третьим лицом, которое заявляло, что является владельцем земельного участка, и ограничивало право пользования истцом земельным участком путем его выселения или иными действиями, суду для разрешения спора в первую очередь было необходимо определить, какая из сторон обладает титулом на земельный участок — истец или ответчик, фактически обладающий земельным участком. Установление титула на землю по вышеописанной формуле исков

¹⁵ История государства и права зарубежных стран: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. О. А. Жидков, Н. А. Крашенинникова. М., 2004. С. 354.

¹⁶ См.: Суханов Е. А. Указ. соч. С. 302—316.

¹⁷ См.: Moglen E. Legal Fictions and Common Law Legal Theory Some Historical Reflections // Tel-Aviv University Studies in Law, 1990. Vol. 10. URL: <http://emoglen.law.columbia.edu/publications/fict.html>.

¹⁸ См.: Klerman D. Op. cit. P. 5.

об аренде было проще и эффективнее в сравнении с исками об установлении права собственности на землю. Поэтому истцы заявляли иски об аренде для определения судебном порядке титула на земельный участок в ситуациях, в которых отношения по аренде земельного участка фактически не возникали. Истец заявлял иск, в котором указывал фикцию о том, что он передал земельный участок арендатору, фактически не существовавшему. Предполагалось, что этот арендатор был лишен земельного участка вымышленным агентом лица, фактически обладающего земельным участком. Реальным, невымышленным ответчиком по делу являлось лицо, фактически обладающее земельным участком. Суд не позволял ответчику возражать против фиктивных обстоятельств дела. Даже наоборот, обязывал ответчика подтверждать, что фикция присвоения арендуемого имущества имела место. При помощи описанной конструкции у реальных сторон дела упрощался доступ к возможности определить титул на землю при помощи судебного решения¹⁹.

Еще одним примером использования фикций в целях упрощения правовых конструкций может послужить судебное дело «Слэйд против Марлея» (*Slade v. Morley*, или *Slade's Case*)²⁰, являющееся одним из наиболее значимых дел средневековой Англии. Оно находилось в производстве с 1596 по 1602 г. В нем прием юридической фикции позволил не только преодолеть формализм судебного процесса, но и принципиально расширить пределы свободы договора. Дело заслуженно называют одним из переломных моментов истории английского права²¹.

Факты дела состоят из следующих обстоятельств: Слэйд и Марлей заключили сделку купли-продажи. Слэйд должен был передать Марлею урожай пшеницы и ржи. Марлей должен был уплатить за него 16 фунтов. Марлей принял товар от Слэйда. Выплаты по сделке не последовало. Марлей отрицал свое обещание выплатить задолженность.

Процессуальные основания дела сводились к следующему: Слэйд подал в Суд казначейства иск против Марлея по формуле «о принятии на себя» (*assumpsit*), в то время как подобные споры рассматривались при помощи иска из «долга» (*writ of debt*).

Присяжные вынесли вердикт, что продажа товара имела место, но отдельного обещания выплаты денежных средств со стороны ответчика не было.

Представитель истца передал дело на голосование апелляционной коллегии судей Суда королевской скамьи и Суда общих тяжб.

С небольшим перевесом голосов апелляционной коллегией было вынесено решение в пользу истца.

Значимость этому делу придало то, что в нем при помощи элемента фикции был разрешен спор о структуре договорных отношений и процессуальных средствах защиты имущественных прав. Истец, подав иск «о принятии на себя», попытался обойти усложненное, но общепринятое средство правовой защиты — иск из «долга», который был единственной формой иска, применявшегося для понуждения стороны к исполнению денежного обязательства из договора.

Иск *assumpsit* — это особая формула общего права, применяемая для возмещения деликтного ущерба, впоследствии применяемая и для возмещения ущерба от неисполнения обязательств из соглашений и неосновательного обогащения. По сравнению с иском из «долга» *assumpsit* являлся более развитым средством правовой защиты и имел следующие преимущества: требовал более простой формы судебного разбирательства; истцу было необходимо привести менее сложную доказательную базу; позволял возместить ущерб, причиненный ненадлежащим исполнением обязательств по соглашению; дела по иску *assumpsit* рассматривались присяжными.

Иску из «долга» не были свойственны данные характеристики. Помимо этого он предусматривал возможность использования ответчиком в качестве доказательства компургации (*wager of law*) — доказывание позиции стороны при помощи приведения к присяге самой стороны и определенного количества лиц, готовых подтвердить эту присягу. Возможность использования подобного устаревшего вида доказательства существенно снижала объективность судебного процесса.

Несмотря на то что формула иска *assumpsit* отвечала потребностям правоотношений того времени, до разрешения описываемого дела она практически не применялась для уплаты долга из нарушенного обязательства. Причиной этого была позиция Суда общих тяжб, который отрицательно относился к иску *assumpsit* вследствие необходимости использования фикции в его конструкции²². Поскольку *assumpsit* был изначально деликтным иском, для того, чтобы заявить данный иск, истец должен был доказать либо факт причинения вреда, либо наличие неисполнения «простого контракта», выраженного в устном или письменном принятии ответчиком на себя обязательства по уплате определенной денежной суммы. Таким «простым контрактом» могло служить дополнительное обещание стороны уплатить долг по договору купли-продажи.

Из вердикта присяжных следовало: несмотря на то что между сторонами была заключена сделка купли-продажи пшеницы и ржи, в ней не содержится

¹⁹ См.: *Klerman D.* Op. cit. P. 3.

²⁰ Здесь и далее материалы дела “*Slade v. Morley*” цитируются по: *Ibbetson D.* Sixteenth Century Contract Law: *Slade's Case in Context* // *Oxford Journal of Legal Studies* (Oxford University Press). 1984. No. 4. P. 299—302.

²¹ См.: *Ibbetson D.* Op. cit. P. 295.

²² См.: *Baker J.* Introduction to English Legal History. Butterworths. 4th ed. 2002. P. 341—344.

отдельно выраженного обещания Марлея об уплате денежной суммы; соответственно, Слэйд для защиты своих прав должен был воспользоваться иском из «долга» вместо иска *assumpsit*. Необходимость дополнительного обещания оплаты по договору купли-продажи свидетельствует о том, что средневековое английское право воспринимало исполнение обязательства по договору как отдельную сделку в рамках основной сделки.

Однако благодаря тому, что юридическое сообщество осознавало необходимость упрощения правовых конструкций, содержащихся как в договоре купли-продажи, так и в судебных средствах защиты обязательств, возникающих из этих договоров, окончательное судебное решение по данному делу отразило эту практическую потребность и создало прецедент, позволивший использовать юридическую фикцию на благо развития договорных и процессуальных правоотношений. Отчасти формированию такой позитивной практики способствовало то, что над делом работали выдающиеся юристы того времени: Ф. Бэкон, Э. Кок, Дж. Попхам.

В окончательном решении суд ввел в дело следующую юридическую фикцию: считается, что должник выразил обещание уплатить долг по договору; невыполнение обещания по уплате стоимости товара приводит к возникновению деликта, совершенного ответчиком в отношении истца; рассмотрение спора возмещения деликтного ущерба возможно по формуле *assumpsit*.

Решение по делу Слэйда расширило применение этой фикции по отношению к любой иной возмездной сделке, что позволило применять иск *assumpsit* для понуждения должника к исполнению денежных обязательств по иным похожим делам; способствовало выработке практики, согласно которой в случае, если истец имеет альтернативу более нового или старого вида иска, суд не может отказать в удовлетворении исковых требований, основываясь исключительно на том, что стороной был подан более новый вид иска.

Использование элемента фикции в указанном деле имело значение для развития средств правовой защиты по обязательствам и расширения представлений о возмездных сделках. Пример дела Слэйда демонстрирует, как при помощи фикции в структуру обязательства включалось вымышленное дополнительное обещание уплатить долг по договору. При помощи такой фикции стороны могли прибегнуть к оптимальным средствам судебной защиты имущественных прав.

Значение правовых фикций при пересмотре судебных решений в апелляционном порядке. Наряду с близкими континентальной правовой семье функциями фикции как инструмента, позволяющего преодолевать формализм права и способствовать его развитию, английскому праву свойственны функции

фикций, нехарактерные для романо-германской системы. Согласно теории «фикций как стратегических инструментов» в средневековом английском праве, помимо расширения судебной юрисдикции, правовые фикции позволяли избегать пересмотра судебных решений в апелляционном порядке по имущественным спорам.

Д. Клерман, исследуя причины возникновения и основную роль юридических фикций в средневековом английском праве, выдвигает на первый план их использование с целью снизить вероятность пересмотра решений первой судебной инстанции в апелляционном порядке²³. По нашему мнению, эта теория предлагает наиболее комплексное объяснение причин обширного использования юридических фикций в средневековом английском праве. До настоящего времени нет информации о том, что данная теория была ранее исследована в отечественной науке.

Объяснение теории «фикций как стратегических инструментов» напрямую связано с порядком апелляционного пересмотра решений судов общего права в средневековой системе английского правосудия. Он осуществлялся преимущественно по средствам предписания об ошибке (*the writ of error*). Этот процесс предусматривал пересмотр решений суда первой инстанции коллегией, состоящей из судей других судов. Апелляционный процесс выстраивался по средствам рассмотрения судебной коллегией заключения о рассмотрении дела судом первой инстанции. Такое заключение о деле составлялось служащими аппарата суда, вынесшего решение в качестве первой инстанции²⁴. Как правило, такое заключение о деле было очень кратким и включало позицию истца, возражения ответчика, вердикт присяжных, решения суда и описание некоторых процессуальных действий. Судебная коллегия не выходила за рамки рассмотрения заключения о деле, новые или ранее представленные доказательства не исследовались²⁵.

Суды первой инстанции, прибегавшие к фикциям для расширения судебной юрисдикции или преодоления формализма права, были заинтересованы в том, чтобы их решения не были отменены в апелляционном порядке. Отмена решений в условиях высокой конкуренции судов могла повлиять на сокращение количества исков по определенным спорам, что могло негативно отразиться на прибыли суда. Именно этим фактором обусловлена особенность практики применения фикций английскими судами. Фикции часто не оставляли явных свидетельств их применения в отличие, например, от рим-

²³ См.: *Klerman D. Op. cit.* P. 8.

²⁴ См.: *Palmer J. The Practice in the House of Lords, on Appeals, Writs of Error, and Claims of Peerage, with a Compendious Account of Dignities: to which is Prefixed an Introductory Historical Essay on the Appellate Jurisdiction.* L., 1830. P. 363—364.

²⁵ См.: *Klerman D. Op. cit.* P. 10.

ского права, в различные периоды которого можно встретить формулы, специально используемые для применения фикций.

Таким образом, судьи судов первой инстанции стратегически подходили к использованию фикций. Никакой другой способ помимо фикции не позволил бы судам первой инстанции расширить свою юрисдикцию или обойти формализм права и при этом составить заключение о рассмотрении дела таким образом, чтобы минимизировать вероятность отмены решения в апелляционном порядке. Фикция оставляла в заключении лишь описание дела — корректное с формальной стороны и не дававшее судебной коллегии апелляционной инстанции оснований для отмены решения, связанного с использованием вымысла.

Анализ теории «фикций как стратегических инструментов» позволяет отметить следующие положительные стороны теории:

1) наиболее комплексно объясняет широкую распространенность фикций в первую очередь тем, что они служили наиболее оптимальной правовой конструкцией, позволявшей расширить судебную юрисдикцию или преодолеть формализм права, при этом снижая риск отмены решения в апелляционном порядке;

2) демонстрирует свойства фикций, присущие исключительно английскому праву, учитывая особенности апелляционного пересмотра в порядке предписания об ошибке. Поскольку этот порядок основывался исключительно на рассмотрении заключения о деле, то теория обосновывает функции фикции по формированию формально корректного заключения о деле;

3) учитывает не только правовые мотивы применения фикции, но и профессиональный интерес судей в увеличении доходов суда от рассмотрения большего количества дел и снижении вероятности отмены их решений.

К пробелам теории «фикций как стратегических инструментов» относятся:

1) отсутствует объяснение широкого применения фикций в судах, не относящихся к системе общего права, в которых не применялся апелляционный пересмотр в порядке предписания об ошибке (например, канцлерская коллегия (Chancery), применявшая право справедливости и адмиралтейский суд (Admiralty));

2) фокусируется на роли фикций в апелляционной инстанции, отводя второстепенное значение функциям фикций как правового инструмента, расширяющего юрисдикцию или позволяющего преодолеть формализм права. Учитывая довольно небольшой объем дел, пересматривавшихся в апелляционном порядке от общей массы имущественных дел, функции фикции, действовавшие исключительно в судах первой инстанции, представляются не менее важными.

Основываясь на проведенном анализе, выделим следующие функции, связанные с использованием приема юридических фикций в средневековом английском праве:

1) функции, связанные с развитием общего права:

а) упрощение и оптимизация правовых конструкций;

б) регулирование правоотношений, ранее не урегулированных правом;

в) преодоление формализма права;

2) функции фикций, повлиявшие на развитие средств судебной защиты имущественных прав:

а) расширение пределов судебной юрисдикции различных судов;

б) использование в качестве стратегического правового инструмента, позволявшего снизить вероятность пересмотра решений судов в апелляционном порядке.

Фикции средневекового английского права значительно отличаются от фикций, встречающихся в правовых системах романо-германской правовой семьи. На уникальность английских фикций повлиял их процессуальный характер, в частности особенности порядка апелляционного пересмотра судебных решений. Отсутствие возможности исследования доказательств в апелляционной инстанции послужило причиной того, что при помощи фикций основания расширения судебной юрисдикции или преодоления формализма права «маскировались» в заключении о деле, которое рассматривалось в порядке предписания об ошибке.

Средневековые фикции оказали влияние на развитие английского права. Они широко применялись в разрешении споров, связанных с различными имущественными отношениями. Описанные особенности эволюции юридических фикций в английском праве следует учитывать при рассмотрении вопросов о возможности рецепции английских правовых институтов, содержащих элемент фикции. Так, дискуссия о положении в российском праве института заранее оцененных убытков²⁶ (liquidated damages) должна учитывать, что подобные правоотношения встречались уже в английской средневековой судебной практике²⁷. Соответственно, природа фикций, включенных в институт заранее оцененных убытков, связана с историческими особенностями развития фикций в средневековом английском праве и нуждается в исследовании исторических причин, повлиявших

²⁶ См., например: *Евтеев В. С.* Возмещение убытков как вид ответственности в коммерческой деятельности. М., 2005. С. 123—130; *Цветков И. В.* Договорная дисциплина в хозяйственной деятельности предприятия: теория и практика. М., 2006. С. 238—240.

²⁷ См.: *James P. G.* Reimposable Discounts and Medieval Contract Penalties // *Loyola Consumer Law Review*. 2007. Vol. 20. Iss. 1. P. 60.

на необходимость использования фикции, предполагающей, что размер убытков заранее известен в договорных правоотношениях.

То же касается дискуссии о возможности прямого использования траста в российском праве. Траст на протяжении истории своего существования в английском праве был тесно связан с различными фикциями. В средневековом английском праве при помощи фикции «трасти» церковь и монастыри пере-

давали имущество, переведенное им в качестве траста, на управление в их интересах светским лицам²⁸.

Таким образом, юридические фикции сыграли важную роль в становлении английского права и не утратили своей актуальности для изучения в настоящее время.

²⁸ См.: Филимонова И. В. Юридические фикции в средневековом английском праве // Российский юридический журнал. 2014. № 1. С. 169—178.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Baker J. Introduction to English Legal History. Butterworths. 4th ed.
- Birks P. Fictions Ancient and Modern // The Legal Mind: Essays for Tony Honoré. Oxford, 1986.
- Fuller L. Legal Fictions. Stanford, 1967.
- Harmon L. Falling off the Vine: Legal Fictions and the Doctrine of Substituted Judgment // The Yale Law Journal. 1990. No. 1.
- Ibbetson D. Sixteenth Century Contract Law: Slade's Case in Context // Oxford Journal of Legal Studies (Oxford University Press). 1984. No 4.
- James P. G. Reimposable Discounts and Medieval Contract Penalties // Loyola Consumer Law Review. 2007. Vol. 20. Iss. 1.
- Klerman D. Legal Fictions as Strategic Instruments // USC Law School, Draft September 16, 2013.
- Maine H. Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society, and its Relation to Modern Ideas. N. Y., 1906.
- Moglen E. Legal Fictions and Common Law Legal Theory Some Historical Reflections // Tel-Aviv University Studies in Law, 1990. Vol. 10. URL: <http://emoglen.law.columbia.edu/publications/fict.html>.
- Ogden C. K. Bentham's Theory of Fictions. L., 1932.
- Palmer J. The Practice in the House of Lords, on Appeals, Writs of Error, and Claims of Peerage, with a Compendious Account of Dignities: to which is Prefixed an Introductory Historical Essay on the Appellate Jurisdiction. L., 1830.
- Джазоян Е. А. Категория фикций в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
- Дормидонтов Г. Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895.
- Евтеев В. С. Возмещение убытков как вид ответственности в коммерческой деятельности. М., 2005.
- История государства и права зарубежных стран: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. О. А. Жидков, Н. А. Крашенинникова. М., 2004.
- Лотфуллин Р. К. Юридические фикции в гражданском праве. М., 2006.
- Маковский А. Л. Об уроках реформирования Гражданского кодекса России // Вестник гражданского права. 2013. № 5.
- Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., 2010.
- Суханов Е. А. Сравнительное исследование владения и собственности в английском и в германском праве // Вестник гражданского права. 2012. № 6.
- Уолкер Р. Английская судебная система / пер. с англ. Т. В. Апаровой; отв. ред. Ф. М. Решетников. М., 1980.
- Филимонова И. В. Юридические фикции в праве стран Запада и Востока: историческое наследие: монография. М., 2012.
- Филимонова И. В. Юридические фикции в средневековом английском праве // Российский юридический журнал. 2014. № 1.
- Цветков И. В. Договорная дисциплина в хозяйственной деятельности предприятия: теория и практика. М., 2006.